

Проблемы перевода философских терминов при исследовании феномена гибридной идентичности (на материале англоязычных текстов)

О. Н. Гусев

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

spokapitel@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвофилософских проблем, возникающих при переводе текстов, исследующих концепт гибридной идентичности. В центре внимания исследования — проблема «переводимости» базовых категорий постколониального и постмодернистского дискурса, где такие понятия, как *identity*, *hybridity* или *third space*, при переносе в русскоязычные реалии зачастую утрачивают свои коннотативные оттенки. В работе рассматриваются основные стратегии преодоления терминологических лагун: от прямого заимствования (транслитерации) до функционального замещения и описательного перевода. Особый акцент сделан на том, как неточная интерпретация философского термина может привести к искажению социокультурного контекста самого феномена гибридности.

Ключевые слова: гибридная идентичность, философский дискурс, терминологические лагуны, лингвокультурология, постколониализм

I. ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной работы продиктована необходимостью критического переосмысления постколониального дискурса в условиях активной интеграции западных гуманитарных теорий в российское академическое поле. В первую очередь это относится к работе переводчика, так как на него ложится задача не просто подбора эквивалентов, а концептуального посредничества в условиях острого семантического разрыва между языковыми традициями. Основные проблемы, с которыми сталкивается переводчик или исследователь, при работе с англоязычными текстами это многозначность специализированных единиц (полисемия, синонимия, омонимия, антонимия), необходимость адаптации англо-американской терминологии в науке и технике, перевод фразовых глаголов, так называемые, ложные друзья переводчика, отсутствия прямых эквивалентов (лагун) и различия в структурных системах языков. Среди всех вышеуказанных проблем, исследователи выделяют основную, с которой сталкиваются в большинстве случаев — это отсутствие лексического эквивалента [1], что подразумевает под собой не просто отсутствие в словаре нужной словарной статьи, тем более, что для многих терминов словарные статьи в толковых словарях русского языка уже написаны, но, в первую очередь, необходимость передачи того смысла, который вкладывает в термин автор работы (философ,

исследователь, писатель), так как одно и то же слово, одно и то же понятие или термин у разных авторов могут означать разное, в частности при переходе термина из одной области науки в другую. Например, *Trauma* («травма»), изначально клинический термин для описания последствий тяжелого потрясения, в постколониальном дискурсе трансформировался в понятие «культурная травма» — коллективное состояние народа, чья история и идентичность были насильственно изменены или стерты колонизатором [10].

В некоторых случаях, в части различия в структурных системах языков, переводчик встречается с несуществующими в русском языке грамматическими категориями (например, герундий в английском языке). Так, английское слово «*being*» может переводиться и как «бытие», и как «сущее», и как «существование». Разделение этих понятий критично для онтологии, и переводчику приходится искусственно вводить различия, которых нет в оригинальном слове.

Отдельной категорией для перевода философских терминов, с которой могут возникать сложности, являются авторские неологизмы. Исследователи и писатели, работающие в философском поле, часто создают новые слова, объясняющие те или иные феномены и понятия (например, «*deconstruction*»), что ставит переводчика перед выбором: оставить слово как есть и применить транслитерацию или попытаться создать русский аналог, который может звучать неестественно для русского языка.

Ученые-лингвисты выделяют следующие способы перевода терминов: перевод с помощью эквивалента (лексическая единица полностью соответствует по значению переводимой единице); перевод с помощью поиска аналога, представленного одной из некоторых лексических единиц, каждая из которых в определенных условиях может соответствовать переводимой единице; описательный перевод (классификация Я.И. Рецкера) [2]; переводческие трансформации: лексическая (транслитерация, переводческое транскрибирование, калькирование, лексико-семантические замены), грамматическая (замены форм слова, частей речи), комплексная лексико-грамматическая (описательный перевод, антонимический перевод и компенсация) (классификация В.Н. Комиссарова) [3].

II. ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ТЕРМИНЫ БАЗОВЫХ КАТЕГОРИЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО И ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА, ТЕРМИНЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА «ГИБРИДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» И ТРУДНОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Перевод терминов постколониального дискурса происходит на стыке лингвистики, политики, культурной идентичности. Основная трудность для переводчика заключается в том, что сама философская теория постколониализма направлена на деконструкцию теории колониализма, поэтому использование стандартных переводческих эквивалентов может вернуть текст в рамки колониального дискурса.

Так, трудности перевода философских трудов постколониализма начинаются с главного и самого распространенного, относящегося к нему термина – identity («идентичность»). Трудность его перевода заключается в его двойственной природе: в английском языке он одновременно означает и тождественность (неизменность самому себе), и принадлежность к группе. В постколониальном дискурсе это противоречие обостряется, так, Стюарт Холл в своем эссе «Культурная идентичность и диаспора» (Cultural Identity and Diaspora, 1990) утверждает, что «Культурная идентичность... это вопрос "становления", так же как и "бытия". Она принадлежит будущему в той же мере, что и прошлому. Это не то, что уже существует, превосходя место, время, историю и культуру» [4, 5]. При переводе на русский язык статичное существительное «идентичность» часто ошибочно воспринимается как некая монолитная «суть» или «подлинность», что прямо противоречит постколониальной идее о её гибридности, фрагментарности и постоянном конструировании в «третьем пространстве».

Далее, одним из самых трудных терминов для перевода, является термин *subaltern* (прил.), предложенный Гаятри Спивак (Гаятри Чакраворти Спивак – американский философ индийского происхождения, основоположница постколониальных исследований, профессор и соучредитель Института сравнительного литературоведения и обществоведения Колумбийского университета) в ее работе «Can the Subaltern Speak?» [5], и обозначающий угнетенные группы, лишённые права голоса в русском языке не имеет прямого аналога. Перевод этого термина как, «подчиненный» или «второстепенный» снижает его политическое значение, поэтому чаще всего в данном случае используется либо прямая транслитерация с комментариями, например, «Могут ли субалтерны говорить?» [7], или «Исполняя субалтерна: может ли художник говорить?» [8], либо, в контекстом использовании в русском языке термин расширяется до «подвластный субъект» [9]. Однако, в недавно вышедшем официальном переводе указанного эссе термин *subaltern* переводится как «угнетенный» [9], несмотря на то, что для перевода понятия «угнетенный» используются также английские прилагательные *oppressed, downtrodden, depressed, dejected, subdued*.

Одной из стратегий перевода, как уже было сказано, является перевод с помощью калькирования. Так, Спивак вводит в вышеупомянутом эссе ряд понятий, которые на русский язык переведены с помощью этой стратегии, например: *double displacement* («двойное вытеснение» или смещение), *doubly marginalized*

(«двойная маргинализация»), *epistemic violence* («эпистемическое насилие»), общий термин, введенный Спивак для ситуации, когда знание и язык колонизатора полностью стирают способы мышления угнетенных), и в контекстных работах, например *shadowed by a double silence* («затенена двойным молчанием») [10].

Еще одним термином, чрезвычайно сложным для перевода на русский язык, является термин *third space* Хоми Бабы [11], которое дословно переводится как «третье пространство». С переносом термина в русский язык, переводчик сталкивается с несколькими уровнями трудностей – от лингвистических до философских. Так, в русском языке словосочетание «третье пространство» уже прочно закреплено в социологии города (концепция Рея Ольденбурга), означающее («третье») физическое место (кафе, библиотека, парк), отличное от дома («первое») и работы («второе»). У Х. Бабы же термин означает абстрактное, метафорическое пространство коммуникации и гибридности, в связи с чем, читатель, не знакомый с постколониальной философией, может ошибочно интерпретировать текст в урбанистическом ключе. Переводчикам приходится «решать» это проблему добавляя уточнения: «третье пространство Х. Бабы» или «пространство культурной гибридности», например, в трудах С. Злобина, посвященному анализу концепции гибридности: «В рамках концепции третьего пространства Х. Бабы гибридность понимается не как механическое смешение, а как активный процесс...» [12] или в трудах М. Тлостановой: «Это пространство культурной гибридности, или "третье пространство", становится местом, где субъект пересматривает свою идентичность вне имперских бинарных оппозиций» [13]. Вместе с этим при переводе и интерпретации этого термина (феномена) на русский язык переводчик (и читатель) может встретиться с парадоксом: сам Х. Баба называет «третье пространство» «местом перевода» («Third Space is a place of translation») [11, с. 227]. Т.е., когда переводчик делает перевод (translation) текста о «третьем пространстве», он сам находится в этом пространстве. У переводчика в данном случае возникает необходимость создания «гибридного» текста, который не будет звучать ни как чистый русский, ни как калька с английского. Довольно часто это приводит к перегруженности текста терминами вроде «интерстициальный» или «лиминальный» (*liminal space*), что делает его трудночитаемым. В связи с этим иногда переводчики намеренно оставляют английские или местные термины без перевода (форенизация, англ. *foreignization*, отчуждение), чтобы читатель почувствовал «чуждость» и сложность описываемого опыта, не пытаясь его упростить. Например, Д. Тимофеев, переводчик трудов Х. Бабы, дает следующий комментарий: «Использование таких терминов, как «амбивалентность» (*ambivalence*) или «агентность» (*agency*), обусловлено необходимостью сохранить терминологическую дистанцию. Попытка перевести их более «естественными» русскими словами неизбежно привела бы к утрате той специфической теоретической рамки, в которой работает автор» [14].

Третьей немаловажной проблемой при переводе этого термина является риск потери политического подтекста. Как отмечает М. Тлостанова, рецепция постколониальных терминов в российском академическом поле часто ведет к их деполитизации. Термин «*third space*», который у Х. Бабы является зоной

напряженного конфликта и подрыва иерархий, в русском переводе рискует превратиться в бесконфликтную «площадку для диалога», что искажает изначальный радикальный посыл автора [15].

Отдельной категорией философских терминов в постколониальном дискурсе являются термины, значение которых намеренно заимствовано из биологии (чтобы подчеркнуть «органический» характер культуры, но при этом перевернуть колониальную логику, которая часто использовала биологию для оправдания расизма). Например, «гибридность» (hybridity) – в биологии: результат скрещивания двух разных видов или сортов (долгое время этот термин имел негативный оттенок «стерильности» или «нечистоты»), в постколониализме же, значение слова трансформировалось в позитивное понятие, означающее смешение культурных кодов и порождающее «третье пространство». Очень распространенным также является термин «мимикрия» (mimicry) – в биологии это способность животного или растения маскироваться под окружающую среду или под более опасный вид ради выживания, а в постколониализме – ситуация, когда колонизированный копирует язык и манеры колонизатора, являющееся ироничным подражанием, ставящим под сомнение авторитет власти [16]. «Ризома» (rhizome) – в биологии означает подземный стебель растения, который растет горизонтально и пускает корни в разных точках, растения, у которого нет единого центра или главного корня. В философии (Делёз, Гваттари) и постколониализме (Э. Глиссан): Модель культуры, которая развивается не как иерархичное дерево (от одного корня-предка), а как сеть. Это символ множественности путей развития и связей между разными народами без доминирующего центра [17, 18]. Также в ряд терминов, пришедших из биологии, входят «паразит» и «паразитизм» (parasitism), «мутация» (mutation), «симбиоз» (symbiosis), прививка и трансплантация (grafting) и др.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что перевод терминов постколониального дискурса – это не просто поиск эквивалентов, а сложная интеллектуальная «ревизия» привычных понятий. Такие термины, как «агентность», «субалтерн» и «мимикрия», не поддаются напрямую переводу, так как несут в себе смысловую нагрузку критики западного доминирования. Попытки заменить их привычными русскими словами часто приводят к потере их ключевого смысла. Использование понятий с «двойным дном» (гибридность, ризома, мимикрия) позволяет постколониальной теории описывать культуру как живой, меняющийся организм, а концепция «третьего пространства» Х. Бабы превращает сам акт перевода из технической процедуры в творческую зону столкновения смыслов, в которой переводчик выступает не как посредник, а как участник создания новой, гибридной реальности. Адаптация терминов постколониального дискурса на постсоветском пространстве требует осторожности, так переводчику необходимо учитывать традиции и наследие Российской истории, в том числе в использовании конкретных понятий и языковых конструкций, однако, в конечном счете, трудности перевода лишь подчеркивают главную идею дискурса: идентичность и культура никогда не бывают окончательными – они всегда находятся в

процессе бесконечного переосмысления, а унификация перевода и работы переводчика в этой сфере достигается с помощью «баланса» между сохранением следующих характеристик термина – его политического и философского «веса» и смысла, авторского замысла и дополнительных смыслов, который он в себе заключает.

Завершить работу, приведем комментарий Н.С. Автономовой, переводчика и исследователя творчества французского философа, одного из самых влиятельных мыслителей XX века, основателя теории деконструкции Жака Деррида, который она оставила к собственному переводу: «Среди русских переводов современной западной философской литературы наметились две крайности: либо уход в русскую этимологию слов, что при массивном использовании делает перевод неудобочитаемым, неоправданно затрудненным для мысли, либо построение таких текстов, которые выглядят как транслитерация иностранного текста в русском алфавите. Мы стремились построить текст на русском языке, т. е. сделать перевод не только с языка на язык, но и с культуры на культуру. В процессе перевода было интересно наблюдать жизнь смыслов, которая в родном языке остается незаметной» [19]. Так, наверное, происходит и должно происходить у всех переводчиков философской литературы: делать перевод не только с языка на язык, но и с культуры на культуру, наблюдая жизнь смыслов в своем переводе.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выражаю благодарность своему научному руководителю, к. филос. н., доценту, доценту кафедры философии СПбГЭТУ «ЛЭТИ» Л.С. Московчук за научное руководство при подготовке статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Дудочкина Ольга Геннадьевна, Задорожная Олеся Алексеевна Проблема перевода терминов с английского языка на русский в научных текстах // Вестник науки и образования. 2019. №23-1 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-perevoda-terminov-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-v-nauchnyh-tekstah> (дата обращения: 07.03.2026).
- [2] Рецкер Я.И. Курс лекций по теории перевода. М., 2005. 141 с.
- [3] Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). // М.: Высшая школа, 2001. 253 с.
- [4] Холл С. В поисках идентичности / пер. с англ. Художественный журнал (Moscow Art Magazine) Выпуск: №77-78 2010. <https://moscowartmagazine.com/issue/28/article/485>
- [5] Психология самосознания: хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара : БАХРАХ-М, 2003. С. 562–572.
- [6] Spivak G.C. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / eds. C. Nelson, L. Grossberg. Urbana : University of Illinois Press, 1988. P. 271–313.
- [7] Блинов Е.Н. Могут ли субалтерны говорить? // Логос. 2016. Т. 26, № 4. С. 135–152.
- [8] Глостанова М.В. Исполняя субалтерна: может ли художник говорить? // Художественный журнал. 2020. № 114. [Электронный ресурс]. URL: moscowartmagazine.com (дата обращения: 09.03.2024).
- [9] Тимофеева О.В. Комментарий к Спивак: подвластный субъект и насилие // Синий диван. 2005. № 7. С. 120–134.
- [10] Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? / Гаятри Чакраворти Спивак; [пер. с англ. А. Логутова]. М.: V-A-C Press: Артгид, 2023. 148 с.
- [11] Bhabha H.K. The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994.

- [12] Злобин С.С. Концепция гибридности в творчестве индийского культуролога Хоми Бхабха // Вестник БГУ. Сер. 3. 2014. № 3. С. 57.
- [13] Глостанова М.В. Постколониальный удел и деколониальный выбор. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 112.
- [14] Тимофеев Д. От переводчика: заметки к русскому изданию Х. Бабы // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 13.
- [15] Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика сопротивления // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 23–39.
- [16] Баба Х.К. Мимикрия и человек: амбивалентность колониального дискурса / пер. с англ. Д. Тимофеева // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 14–22.
- [17] Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М. : Астрель, 2010. 895 с.
- [18] Глиссан Э. Поэтика Отношения. Поэтика III / пер. с фр. О. Акимовой. М. : Ad Marginem, 2025. 304 с.
- [19] Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида, Ж. О грамматологии / Пер. с фр. Н.С. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. С. 7–72